

И. Г. САЦЮК

кандидат филологических наук, доцент

КРИТИКА В ЖУРНАЛЕ «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»

Н. А. Полевой вошел в историю отечественной культуры как самобытный писатель и выдающийся журналист, основатель «Московского телеграфа» — «решительно лучшего журнала в России от начала журналистики»¹. «Московский телеграф», просуществовавший более девяти лет (1825–1834), сыграл заметную роль в общественной и культурной жизни 1830-х гг., неизменно поддерживаемый вниманием и сочувствием читателей. Эстетико-философские принципы критики, сформулированные в «Московском телеграфе», имели большое значение для формирования и дальнейшего развития русской критической мысли, закладывали теоретические основы литературно-художественной критики.

«Московский телеграф» был первым русским энциклопедическим журналом, на его страницах широко освещались актуальные общественные, научные и литературные вопросы. Это было отнюдь не случайно. Н. А. Полевой полагал, что для развития русского общества и движения его вперед необходимо прочно овладеть не только «вещественным», но и «невещественным» капиталом. «Благосостояние государства, — писал он, — является только тогда, когда все физические способности государства живы и деятельны; для сей жизни, для сей деятельности должны быть возбуждены душевные или умственные средства... только в соединении вещественного и невещественного капиталов государство является в полноте бытия. Признаком достижения к сей полноте со стороны вещественной бывает промышленность, со стороны умственной — литература»². Причем «невещественному» капиталу Н. А. Полевой отводил главенствующую роль, так как именно он являлся той основой, на которой мог вырастать и укрепляться капитал «ве-

щественный»: «С тех пор как промышленность явила свое действие, сила ума показала решительное превосходство над вещественностью»³. Поэтому важнейшей современной задачей Н. А. Полевой считал широкое просвещение и образование русского человека и всеми силами стремился способствовать этому своим изданием.

Первый номер «Московского телеграфа» открывается «Письмом издателя к NN» и статьей «Обозрение русской литературы в 1824 году», в которых Н. А. Полевой формулирует основные цели и задачи нового журнала, излагает его программу. Основной целью журнала, по мнению издателя, является сближение «средних состояний» (а именно на них и был ориентирован в основном «Московский телеграф») с «европейской образованностью»⁴. Отсюда вытекает задача: сообщение соотечественникам о различных успехах «ума человеческого». Поэтому на страницах журнала печатаются статьи, сообщения о различных сферах человеческой деятельности, по различным отраслям знаний: химии, ботанике, истории, географии, словесности, даются подробные библиографические обзоры новой русской и зарубежной литературы. При этом важнейшим издатель считает «основательность известий».

Н. А. Полевой особо подчеркивал необходимость постоянного контакта своего журнала с читательской аудиторией. «Народ всегда умнее одного лица, — писал он, — и если журналист не умеет заставить читать своего издания, то должен удалиться с избранного им поприща, или публика сама уволит его с невыгодным для него аттестатом»⁵. Особенно велика роль журналиста в настоящее время, когда «естествоиспытатель и законововедец столь же тщательно заботятся о своем образовании, сколько литератор старается войти в область их

наук»⁶. Поэтому естественно и закономерно встает вопрос о компетентности журналиста, о его широкой образованности, ведь на него возлагается огромная ответственность: журналист должен знакомить читателей с успехами научной мысли, должен уметь «выставлять в истинном свете устаревшие и ложные понятия, мнения, поверья и притом излагать новые взгляды великих критиков», «идти вперед, к лучшему, возбуждать деятельность в умах и будить их от этой пошлой, растительной бездейственности»⁷.

Это была четкая и смелая программа, которая не могла не вызвать ожесточенных нападок со стороны многочисленных противников как на самого Н. А. Полевого («купца-самоучку», осмелившегося говорить о просвещении и высказывать собственные суждения, нередко подрывающие общепризнанные авторитеты), так и на его журнал. Однако, как справедливо заметил В. Г. Белинский, «Московский телеграф» «изумляет верностию в каждой строке одинажды принятому и резко выразившемуся направлению»⁸. Действительно, журнал оставался до самого закрытия верен своей просветительской программе.

Одним из важнейших отделов «Московского телеграфа» Н. А. Полевой считал отдел критики, о чем прямо заявлял в уже упоминавшемся «Письме издателя к NN». Однако само слово «критика» и ее задачи Н. А. Полевой понимал достаточно широко. «Под статью "Критика", — писал он, — будут помещаться большие разборы книг важных — иностранных и отечественных. Посвящаем сию статью не простому любопытству, но любознательности русских читателей»⁹. Он считал отдел критики тем важнейшим каналом, через который можно было нести новые сведения, новые идеи, обогащая и развивая знания соотечественников, поэтому в отделе критики помещались разборы книг и статей, самых разных по своему характеру и назначению.

Литературная критика являлась частью этого отдела. Но именно литературная критика определяла лицо журнала, его эстетико-философскую и общественную направленность. О литературной критике (или о

собственно критике) и пойдет речь в данной статье.

Н. А. Полевой считал, что его журнал должен «привить публике вкус к чтению». Крайне необходимо при этом давать читателям «благое направление критикой благонамеренною, здоровою, удаленною от личных расчетов и эгоистических отношений»¹⁰. Эта цель, по мнению издателя, в настоящее время почти забыта, потому что «критик много», а критики — настоящей, дельной и толковой — у нас до сих пор нет.

Рассуждая о русской литературной критике, Н. А. Полевой выделяет три периода в ее развитии. В первый период своего существования критика в основном состояла из пародии и сатиры, часто без называния конкретных имен, порой выражаясь в намеках или аллегориях. Позднее — во времена Сумарокова, Ломоносова, Тредиаковского — критика превращается в «брань, собственно литературную», которая постепенно переливается в колкости, насмешки, «стареет, тускнеет и, наконец, надоедает всем»¹¹. В настоящее время критики дошли до крайности: «Они объявляют войну даже и нейтралитету публики»¹². Теперь перья критиков обращаются против цвета русской нации, против тех, кем должна гордиться отечественная литература, — против Карамзина, Жуковского, Пушкина. Критика потеряла всякий авторитет в глазах публики, такая критика ничего не может сказать читателю, не может научить его, не может воспитать эстетический вкус. Ведь публика уже «явно смеется, когда какой-нибудь критик начинает доказывать, что «История» Карамзина нехороша, что Жуковский не поэт, что Пушкина поэмы не поэмы и проч.»¹³ Именно таково в настоящее время, по мнению Н. А. Полевого, состояние современной критики. Поэтому он взял на себя сложнейшую и актуальнейшую задачу — заново создать русскую литературную критику.

Н. А. Полевой предъявляет к критике определенные и четкие требования.

Критика должна быть *беспристрастной*. Подлинная критика — это «беспристрастный надзор» за современной литературой. Критик, взявшийся рассмотреть какое-либо произведение, должен быть совершенно

чужд мелочного расчета «ловителей ошибок», должен возвыситься «до той степени величия, на которой стоит творение, им рассматриваемое»¹⁴. Критик может быть страстен только к одному — «к великому и прекрасному». Беспристрастие критики должно быть не «позой» журналиста, а честным, искренним убеждением его совести. «Только подобное обслуживание дела, — писал Н. А. Полевой, — должно почестся доказательством желанья добра предприятию со стороны критики, потому что оно приносит пользу несомненную, если только мнение высказано совестливо»¹⁵.

Другим требованием, предъявляемым Н. А. Полевым к критике, была объективность («правдивость») оценок рассматриваемого произведения: «Непреклонная правда руководствовала и будет руководствовать наше суждение: правда другу и врагу, как говорят немцы»¹⁶. Критика — это не «месть из-за угла» какому-то автору, она должна быть справедливой, скромно судящей о самой книге, а не об ее авторе, она также должна «предостеречь читателей от траты времени на чтение каких-нибудь произведений литературного удалства или промышленности»¹⁷. Но такая критика, как с иронией замечает Н. А. Полевой, очень далека от того, что «многие у нас почитают критикой — так далека, как небо от земли»¹⁸.

Вместе с тем, считал Н. А. Полевой, критик в своих статьях, обзорах, рецензиях непременно должен быть «упрям в мнениях, оправдываемых духом времени и современным просвещением»¹⁹. Этот тезис Н. А. Полевого был существенным и принципиальным: он требовал в оценке литературных явлений руководствоваться принципами историзма и национального своеобразия. «Рассматривайте каждый предмет не по безотчетному чувству: нравится, не нравится, хорошо, худо, — писал он, — но по соображению историческому веку и народа и философическому важнейших истин души человеческой. Так смотря, Индийская Саконта, Омирова Илиада, Расинова Андромаша, Шекспиров Гамлет и Гетев Фауст покажутся вам в истинном их свете»²⁰.

Особенно четко принцип историзма в критике Н. А. Полевой формулирует в ста-

тье об «Истории государства Российского» Карамзина, опубликованной в «Московском телеграфе» в 1829 г. Именно в этой статье критик впервые подошел к пониманию литературного развития как определенного и закономерного исторического процесса. Признавая значительные для своего времени заслуги Карамзина как историка и художника, Н. А. Полевой говорит о том, что лишь теперь оказывается возможным взглянуть на него и его труды «со стороны времени нашего», «беспристрастно» и тем самым яснее и «правдивее» представить себе место и роль Карамзина в развитии отечественной литературы и истории. Н. А. Полевой делает смелый и неожиданный вывод: «Карамзин принадлежит прошлому», так как общество уже существенно продвинулось вперед и во многом изменилось. Вскоре после этой статьи Н. А. Полевой издает свою «Историю русского народа». Известно, сколько суровых упреков, едких насмешек было брошено в адрес издателя «Московского телеграфа», осмелившегося поколебать «непреходящий» авторитет Карамзина и его «Истории». Однако сам Н. А. Полевой был искренне и глубоко убежден в том, что «всякое покушение достигнуть критики дельной» — к чему он сам стремился — «должно, по крайней мере, быть извинено людьми беспристрастными»²¹.

Еще одним требованием издателя «Московского телеграфа» было неучастие в различных критических *полемиках*: «удержание от полемики», от антикритик, рекритик, от так называемых «литературных мячиков». «Нас не страшит, — писал Н. А. Полевой, — гнев литературных воителей, с которыми решились мы прекратить споры, видя, что их ни убедить, ни победить невозможно. Пусть задетые сердятся и кричат, что критики "Телеграфа" несправедливы, дерзки: все эти слова означают просто: "зачем он нас не хвалит"»²².

Развивая эту мысль, Н. А. Полевой в том же году в «Замечаниях издателя Телеграфа» рассуждает следующим образом. Всех читателей можно разделить на две группы. Одни любят читать самые вздорные споры критиков, готовы за острое словечко «зевать над целыми страницами и беспрестанно будут говорить журналистам: «Что вы

мало спорите? Заводите-ка споры: право, весело читать, как бранятся литераторы»²³. Другие читатели, напротив, требуют настоящей критики и негодуют, видя, что журналист хочет невозможного: убедить каждого из своих противников. Действительно, согласить людские мнения очень сложно, поэтому даже самая основательная и беспристрастная критика всегда вызовет споры и возражения.

Что же должен делать в таком случае критик? Пускаться в бесконечные и бессмысленные полемики и антикритики, пока «молчание противника докажет сознание его в вине»? Или же ограничиться своим однажды произнесенным приговором и спокойно слушать, как на него восстают противники, и «при звуке их оружия думать о цели, о пользе критики, бесполезности журнальных перекличек, невозможности убедить всех и всякого в истине»²⁴? Именно такую позицию и стремился занимать «Московский телеграф» в первые годы своего существования, и она неоднократно обосновывалась его издателем.

Между тем на практике даже сам Н. А. Полевой далеко не всегда придерживался этого правила. Он вводил «Особенные Прибавления» к своему журналу, нередко печатал антикритики и ответы на них (например, антикритики В. Н. Берха и Клас-сена), оправдываясь тем, что положил за правило «не вступать в обширные словопрения и состязания». И это было в общем-то естественно: ведь именно полемика, столкновение мнений, аргументация высказанной оценки — непереманные условия развития и существования литературной критики. Это, вероятно, вскоре почувствовал и сам Н. А. Полевой. И хотя в 1831 г. он по-прежнему говорит, что «Московский телеграф», оставаясь верным принятым принципам, сознательно не отвечал на «брани и клики», не вступал в полемику с другими журналами и критиками, его собственные статьи 1832–1834 гг., особенно о Державине, Жуковском и Пушкине, свидетельствуют уже об ином. Ведь оценка литературных явлений, изложение своей концепции развития русской литературы были уже не только внутренне, но и открыто полемичны по отношению к распространенным в то время мне-

ниям и общепринятым взглядам. Может быть, наиболее четко и определенно это сформулировал в 1833 г. Кс. А. Полевой в статье «О направлениях и партиях в литературе. Ответ г-ну Катенину». «Мы думаем, — писал он, — что журнал должен быть выражением одного известного рода мнений в литературе, и чужие мнения должны быть допускаемы в оный с большой осмотрительностью, с опровержением, если нужно, или, по крайней мере, с отметкой. В таком журнале публика ищет знакомого ей образа мыслей и мыслями его облегчает образование своих мыслей, заставляя в то же время издателей быть беспристрастными и верными самим себе»²⁵. Т. е. полемика, аргументация и отстаивание своей точки зрения рассматривается как средство «образования мнений» читателя: именно так возможно достичь поставленной журналом цели — «просвещения и образования народного».

Позднее, уже после закрытия «Московского телеграфа», сам Н. А. Полевой, подытоживая свою деятельность как издателя, не мог не признать полемического характера многих критических статей и рецензий своего журнала, считая это верным средством, с одной стороны, привлечь внимание читателей к современной литературе, а с другой стороны, «обратить взоры» писателей к актуальным проблемам: «Мне казалось, что надобно было оживить, разогреть журналистику русскую как лучшее средство расшевелить нашу литературу... Важнейшие вопросы современные были преданы критике, объем журналистики раздвинулся, самая полемика острела, горячила умы»²⁶.

Особого внимания заслуживают статьи Н. А. Полевого о Державине, Жуковском и Пушкине, в которых автор делает попытку дать целостную концепцию развития русской литературы. При этом Н. А. Полевой исходит из того, что литература является отражением общественной жизни и эстетико-философских представлений своей эпохи и своего народа.

Литературу XVIII в. он считал почти сплошь «подражательной». Первое исключительное явление в ней — Державин, поэт истинно самобытный, который творил, не

подражая, а согласно «внутренним побуждениям своей поэтической русской души». «Не певец Фелицы, не сочинитель оды "Бог", — говорит критик, — является нам Державин, но истинный представитель гения России, дикого, неконченного, неразвитого, но могучего как земля русская, крепкого как душа русская, богатая как язык русский»²⁷.

Жуковский — поэт уже иной эпохи и иного характера. В нем почти нет самобытности, потому что «подражание немецким образцам» заслонило для него жизнь русскую. «Читая создания Жуковского, — пишет Н. А. Полевой, — вы не знаете, где родился, где жил он. Читая Державина, видите, что это русский человек»²⁸. Однако огромную заслугу Жуковского критик видит в том, что он открыл личность в поэзии, что именно в его творчестве человеческие переживания стали предметом художественного постижения и изображения. Творчество Державина и Жуковского, по мысли Н. А. Полевого, составляет целый этап в истории русской литературы, содержанием которого был переход от классицизма к романтизму.

Роль «творца самобытной русской литературы» критик отводит Пушкину, которого называет истинно национальным поэтом. Вместе с тем Н. А. Полевой не был последователен в оценке творчества Пушкина, упрекал его в приверженности карамзинским эстетическим принципам, в подражании Байрону (особенно в южных поэмах). Однако некоторые издержки критической мысли Н. А. Полевого, горячего сторонника романтизма, не должны заслонить того, что он честно и усердно боролся за национальную самобытность отечественной литературы, которая «встанет вскоре вровень с литературами европейскими». Задача критики — глубоко и «беспристрастно» раскрыть художественную индивидуальность и многообразие общественно-философской и нравственно-этической проблематики творчества русских писателей. Именно на критику возложена, считал Н. А. Полевой, великая миссия постичь «таинство души и мыслей русских», воплощенное в литературном произведении, и «донести его до душ и умов читателя нашего»²⁹.

Н. А. Полевой, как уже было сказано, считал отдел критики одним из важнейших

в своем журнале, хотя признавал, что ведение этого отдела — дело новое и что «Московский телеграф» «более всех настоящих и прошедших журналов русских занимался критикою и библиографиею»³⁰. Поэтому ему приходилось экспериментировать, что проявлялось как в содержании отдела, так и в его структуре.

В 1825 г. в «Московском телеграфе» существовал единый отдел критики и библиографии, в котором печатались крупные статьи-разборы, а также библиографические обзоры современной русской и иностранной литературы по различным областям науки и искусству. В этих обзорах давались не только перечень и краткая характеристика тех или иных сочинений, но и отмечались книги, «от которых надобно предостеречь читателей»³¹.

С 1826 г. положение меняется. Отдел разделился на два самостоятельных: отдел критики и отдел библиографии. И хотя Н. А. Полевой сообщает читателям, что такое разделение связано прежде всего с тем, чтобы не смешивать «ученых известий о книгах с легкими общими замечаниями»³², но в действительности дело обстоит несколько иначе.

К отделу библиографии было предпослано обширное введение «От издателя Телеграфа», в котором излагалась его задача: «По возможности большее ознакомление соотечественников с литературами иностранными и обозрение литературы отечественной»³³. Но именно с этого времени отдел начинает претерпевать качественные изменения: аннотации и характеристики становятся более основательными, нередко приобретая характер рецензий. Именно в отделе библиографии первоначально обстоятельно рассматривается роман Пушкина «Евгений Онегин». В этом же отделе в 1830 г. анализируется содержание и характер альманахов «Северные цветы», «Денница», «Радуга» и др. Дается не только их обзор, но и анализируются два «Обозрения русской литературы за 1829 год», сделанные Сомовым в «Северных цветах» и Киреевским в «Деннице». Оценки «Московского телеграфа» весьма резки и категоричны. Так, разбирая «Обозрение» Сомова, Н. А. Полевой

пишет: «Оно есть полное собрание мнений устарелых, характеристик неверных и мыслей самых обыкновенных»³⁴.

В 1834 г. в отделе библиографии напечатаны рецензии на роман Загоскина «Аскольдова могила» и на «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» Сенковского. Критика становится все более решительной, смелой, с четко выраженной позицией журнала. Произведение Загоскина характеризуется как «совершенно вымышленное сказание, где автор совсем не слушает ни истории, ни народных преданий»³⁵. А вскоре публикуется печально знаменитая рецензия на драму Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», в которой пьесе выносятся откровенно резкий приговор: «Новая драма г-на Кукольника весьма печалит нас»³⁶, т. е. высказано мнение, расходящееся с официальным. Как известно, эта рецензия послужила поводом для запрещения «Московского телеграфа».

Отдел критики также претерпевает определенные изменения. В 1825–1829 гг. в этом отделе печатаются многочисленные разборы различных книг и статей, в том числе иностранных (например, «Сравнительное обозрение разных обществ застрахования жизни», опубликованное в № 9 за 1828 г.). Делалось это отнюдь не случайно. Так, в традиционном обращении к читателям журнала в № 24 за 1828 г. Н. А. Полевой поясняет, что в этом году его журнал был «более наклонен к практике, более говорил о том, что делают другие, и удалялся от теорий, не могущих прямо убеждать и всегда оставляющих нечто спорам и недоразумениям»³⁷. Особое внимание при этом уделялось Англии — развивающейся промышленной державе, «практическою жизнью превзошедшею все другие народы». Направление к «практической деятельности» Н. А. Полевой считал важнейшей задачей своего журнала. И сначала оно шло в русле так называемого «буржуазного просветительства».

Но с конца 1820-х гг. статей, посвященных вопросам литературы, печатается в этом отделе все больше, и он постепенно становится отделом критики литературной. Многие из этих публикаций до сих пор не утра-

тили своего историко-литературного значения и представляют определенный научный интерес. Это и обстоятельный разбор Вяземского изданных в Москве в 1828 г. «Сонетов» А. Мицкевича с приложением их прозаических переводов (1827, № 7), это и статьи Н. А. Полевого об «Истории государства Российского» Карамзина (1829, № 12), а также о книге Галича «Опыт науки изящного», в которой критик говорит о полемике классиков и романтиков и подробно излагает собственные взгляды на вопрос о соотношении человека и мира в романтическом искусстве (1828, № 6–7). Дело, вероятно, в том, что теперь «практическая деятельность» в понимании Н. А. Полевого приобретает еще один аспект: широкое просвещение и образование «умов и душ» русского читателя. Задачу эту в значительной степени может выполнять критика. Сам Н. А. Полевой так подвел итог своей деятельности в качестве издателя «Московского телеграфа»: «Никто не оспорит у меня чести, что первый сделал я из критики постоянную часть журнала русского, первый обратил критику на все важнейшие современные предметы»³⁹. А Чернышевский позднее справедливо заметил, что «ощутительное влияние литературы на общество началось только с «Московского телеграфа»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953–1959. Т. 9. С. 693.

² Московский телеграф. 1828. № 18. С. 116.

³ Там же. 1825. № 1. С. 59.

⁴ Там же. 1825. № 1. С. 59.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Там же. С. 81–82.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 689.

⁹ Московский телеграф. 1825. № 1. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 59.

¹¹ Там же. 1825. № 2. С. 24.

¹² Там же. № 23. С. 335.

- ¹³ Там же. С. 325.
¹⁴ Там же. № 4. С. 238.
¹⁵ Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 355–356.
¹⁶ Московский телеграф. 1826. № 2. С. 82.
¹⁷ Там же. С. 82–83.
¹⁸ Там же. 1829. № 12. С. 463.
¹⁹ Там же. 1828. № 24. С. 508.
²⁰ Там же. 1831. № 4. С. 381.
²¹ Там же. 1829. № 12. С. 463.
²² Там же. 1826. № 2. С. 282.
²³ Там же. 1826. № 24. С. 247.
²⁴ Там же. С. 246.
²⁵ Там же. 1833. № 12. С. 611.
²⁶ Сын Отечества. 1839. Т. 8. С. 59.
²⁷ Московский телеграф. 1832. № 15. С. 344.
²⁸ Там же. 1832. № 19. С. 413.
²⁹ Там же. 1833. № 14. С. 76.
³⁰ Там же. 1826. № 1. С. 81.
³¹ Там же. 1825. № 1. С. 78.
³² Там же. 1826. № 1. С. 81.
³³ Там же. С. 79.
³⁴ Там же. 1830. № 1. С. 77.
³⁵ Там же. 1834. № 1. С. 169.
³⁶ Там же. № 3. С. 498.
³⁷ Там же. 1828. № 24. С. 508.
³⁹ Полевой Н. А. Очерки русской литературы. С. 15.
⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Избранные литературно-критические работы. М., 1984, С. 611.